

УДК 1:(091)

В. И. Красиков

**«СМЕРТЬ ФИЛОСОФИИ» И БОРЬБА ЗА ЕЕ НАСЛЕДСТВО:
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ РАЗМЕЖЕВАНИЯ
И ЛИТЕРАТУРНО-ФИЛОСОФСКИЕ ГИБРИДЫ**

В статье обсуждаются события в философии XIX–XX веков, приведшие сначала к кризису, а затем и к коренному изменению ее статуса. Философия теряет свою универсальность и становится частной дисциплиной. В статье исследуются основные формы реагирования философии на эту ситуацию. Философы начинают заниматься методологией наук либо высоко абстрактными исследованиями либо возрождают сократические темы и стиль философствования.

Ключевые слова: смерть философии, междисциплинарные размежевания, литературно-философские гибриды, неокантианство, феноменология, экзистенциализм.

V. I. Krasikov

**“DEATH OF PHILOSOPHY” AND FIGHT FOR HER LEGACY:
INTERDISCIPLINARY DEMARCATION
AND LITERARY-PHILOSOPHICAL HYBRIDS**

XIX–XX centuries brought major technological changes, the deep social-economic transformations, radical values and ideological innovations. They were expressed in the new philosophies, speaking a new language on unusual topics. There are the topics of Life and culture, the man, his values, ways of his release, the structure of his mind and the meaning of existence. They expressed not so much the expansion of human horizons and deepening reflection, how many drastic changes within the academic community. We are talking about a quick comprehensive differentiation of scientific knowledge. There are a development of new themes and deepening reflection in a clean, professional philosophy. This is a “philosophy in the only consciousness,” which gives rise to such a specialized field of higher abstractions such as phenomenology and new areas of philosophical interest as axiology and hermeneutics.

The emergence of mass society in the XX century, Mass taste, “the new masses” and the literary market revives Socratic philosophizing and personal-moral reflection, aimed at the mass market. Such thinkers are the first media philosophers, connect a literature and philosophy. The old philosopher or “general intellectual” turns either in the methodologist of science or in academic or professional philosopher-writer.

Ideological form of the collapse of traditional philosophy to new science and a new philosophy was Kantianism. On the one hand it was naturalists who wanted to apply Kant’s cognitive model in its experimental and theoretical practice. On the other hand, they were humanitarians who were engaged methodology. They were trying to establish the conceptual background of new areas of knowledge and competence.

Offering new, it was a different reaction to the crisis of philosophy. It was the following topics including Life, human nature and the individual experience. These philosophers believed that philosophy is not dealing with what is necessary. Now philosophy can appeal to his real purpose, namely the study of natural life, essence of man and his existence. There are such exercises as Life philosophy, philosophical anthropology, and existentialism. These philosophers are becoming more well-known personalities than college professors.

Keywords: death of philosophy, interdisciplinary disengagement, literary and philosophical hybrids, Kantianism, phenomenology, existentialism.

XIX–XX века принесли людям невиданные технологические изменения, глубокие социально-экономические потрясения и радикальные ценностно-мировоззренческие разломы. Зеркало философской рефлексии запечатлело эту феерию в новых ярких учениях, говоривших уже новым языком о необычных темах: жизни и культуры, человека, его ценностей, путей его освобождения, структур его сознания и смысла существования. Такого раньше попросту не было. О человеке если и говорили, то вскользь – на фоне величественного космоса Античности, Бога Средневековья, природы и общества Нового времени. Если сознание и исследовали, то не как самодостаточную сущность, а лишь в виде инструмента познания. Этические проблемы были интересны лишь как поиск добродетелей – неперенных образцов для любого человека и абсолютно равнодушных к индивидуальной неповторимости каждого. Философия второй половины XIX – первой половины XX века собственно и открыла микрокосм субъекта: мир культуры, ценностей, сознания и индивидуального человеческого переживания. Дверь, приотворенная в человеческую субъективность Кантом и идеалистическим движением, была распахнута настезь.

Новые темы выражали собой не столько расширение человеческого кругозора и углубление рефлексии, сколько серьезные, можно сказать, тектонические подвижки внутри глобального академического сообщества как совокупности дисциплинарных сообществ. Речь идет о быстрой всеобъемлющей дифференциации научного знания в середине XIX – начале XX века. Философы гегелевского поколения все еще вели курсы астрономии и математики, и, хотя математический факультет давал независимую основу для некоторых исследователей, самостоятельный факультет естественных наук

отделился от философского факультета никак не ранее 1860-х годов. Прежний философский факультет, наконец, распадается на целый сонм новых самостоятельных дисциплин.

И если уход из-под крыла философии наук естественных был не столь болезненным, за исключением позитивистского мятежа, то ускользание родственных дисциплин, забравших с собой исконно философские темы – характера и психических качеств (психология), общества (история, социология, политология), культуры (культурология) – порождает сначала кризис, а потом и «смерть» традиционной «большой философии». «Царицу свергают с престола» в ходе почти вековых боев (второй и первой половин XIX–XX веков) за самоопределение новых дисциплин от патронажа философии и установление новых предметных границ.

Разработка новых тем углубляет и рефлексию внутри чистой, профессиональной философии, «философии в рамках только сознания» (Декарт и Кант), порождая как специализированные области высшей абстракции типа феноменологии, так и новые области философского интереса (аксиология, герменевтика).

Возникновение массового общества в XX веке, массового вкуса, «новых масс» и писательских рынков возрождает сократическое философствование, личностно-нравственную рефлексию, ориентированную на массового потребителя, а мыслители подобного склада становятся первыми медиа-философами, соединившими собой литературу и философию. *Прежний философ, интеллигент широкого профиля» расщепляется на методолога науки, академического специалиста в узкой философской специализации и философствующую медиа-персону.*

Идеологической формой распада традиционной философии – на новые науки и

новую философию – стало неокантианство. По сути, это междисциплинарное направление, для которого философия Канта, вечный компромисс между опытом и теорией, стала удобной формой дисциплинарных размежеваний и самоопределений, последующей духовной сакрализацией. Так, из философии в это время родились – в качестве философски (кантиански) фундированных – психология, социология, аксиология, культурология и мн. др.

Боевой лозунг *неокантианства* «Назад к Канту!» (70-е годы XIX века – 20-е годы XX века) реализовался двояко. С одной стороны, это были естествоиспытатели, стремившиеся применять кантовские познавательные модели в своей опытной и теоретической практике, другие, близкие к гуманитариям, занялись методологией – установлением концептуальных предпосылок новых областей знания и, соответственно, их границ или сфер компетенций.

Так, группа философствующих психологов и физиологов, наиболее видной фигурой из которых был Вильгельм Вундт (1832–1920), объединила конкретные экспериментальные исследования человеческой физиологии и психологии восприятия с кантовскими идеями априоризма и трансцендентальности, стремясь найти золотую середину между эмпиризмом и априоризмом. Философия – всеобщая наука, создающая единую непротиворечивую систему знания, включающую в себя материал, полученный специальными науками, и принципы, отрефлексированные, опять-таки, из употребляемых наукой методов и категорий.

Кантовская схема использовалась здесь и в общем понимании познания: опыт складывается из материала (ощущений) и формы (пространственно-временного порядка ощущений). Ощущения наряду с формами пространства и времени – субъектив-

ны, но конструируемое на их основе понятие «объект» – объективно, так как мышление создает его через учет и сопоставление свидетельств множества конкретных опытов, выявляя связи и отношения, присутствующие везде и всегда. На базе психологического экспериментирования было подтверждено существование феноменов коллективной психологии и коллективного мышления, которые и образуют фундамент объективности (трансцендентальности) нашего познания. Более того, в круг трансцендентальности были включены также нравственность, обычаи и религия, которые оказались также производными от общего априорно-видового источника – чувств почитания и симпатии.

Другие неокантианцы, образовавшие две школы – Марбургскую (Герман Коген (1842–1918) и Эрнст Кассирер (1874–1945)) и Баденскую (Вильгельм Виндельбанд (1848–1915) и Генрих Риккерт (1863–1936)), – настаивали на четком различении трансцендентальных оснований (когнитивных конструктов) и последующего эмпирического исследования, решительно отвергая физиологическую интерпретацию идей Канта. Основное содержание их исследований – разграничение сфер компетенций естествознания и новых наук о культуре и обществе, выделявшихся из состава прежней философии. Одни (Дильтей) положили в основание различения наук о природе и духе методы герменевтического толкования и причинности. Другие (Виндельбанд) разводили науки по характеру изучения реальности: ведущие поиск общих принципов; стремящиеся описать единичности. Третьи (Риккерт) усматривали специфику гуманитарного познания не просто в партикуляризме, но в том, что оно, в отличие от естественно-научного, всегда опосредованно – прямым или же косвенным соотношением – с ценностной сферой. Здесь внутри философии появляется

аксиология – дисциплина, постигающая особенности ценностей и ценностных суждений.

Примыкает к традициям академического неокантианства, равно как и возрождает картезианский рационализм, направление «феноменология», представлявшее в XX веке «философию в рамках только сознания», работающую на малодоступных пределах абстрагирования и рефлексии.

Непосредственным предтечей феноменологии был Франц Brentano (1838–1917), утверждавший, что главной областью ментальных актов является «интенциональное» (разные исходные устремленности), с помощью которого разум как бы направляется на объект, придавая ему ментальное существование, невзирая на то, существует ли объект независимо от нас или в воображении; в противоположность неокантианству здесь утверждается, что разум всегда скорее сам дотягивается до объектов, чем пассивно воспринимает их сквозь сетку категорий.

Подлинным же основателем и главой феноменологии стал Эдмунд Гуссерль (1859–1938), полагавший, что мир, как он нам представляется в значениях наук и повседневного опыта, есть выражение наших спонтанных означиваний и символизаций, которые мотивируются чем угодно: прагматистско-утилитарными потребностями, привычками, эмоциональными ожиданиями и т. п., только не объективно-значимым бытием. Мир есть субъектная (человеческая) сфера и предстает в познании как коррелят психики и сознания. Объективно-значимое бытие для нас тождественно с являемыми фактами и формирующимися на их основе значениями феноменального мира сознания субъекта. Какова действительность «сама по себе», мы не знаем, не можем знать, да это нам и ни к чему.

Целью познания в феноменологии является установление того, что такое «объективное», и механизмов его формирования в со-

знании. Для этого надобно проанализировать опыт как бы изнутри – вне чувств, в чистой мысли, отделив там внутреннее (смысл, содержание) от внешнего (фактов, знаков), рассмотрев их взаимоотношения. Дабы войти в это искомое состояние, необходима особая процедура, разработанная Гуссерлем, – «феноменологическая редукция». Это мысленная процедура исключения из сферы удерживающего внимания комплексов значений, стихийно объективированных нашим повседневным опытом, привычкой, в которые «включены» искомые феномены, с тем, чтобы «вылущить» их, освободить из «прокрустовы ложа» идентифицируемости через символы. Она включает в себя два абстрагирования:

- от всей конкретики самой ситуации исследования и субъективности исследователя, за исключением ее смысла и интенциональной направленности;

- от всякого утверждения особых коэффициентов реальности (действительность, видимость, выдумка, обман), обычно приписываемых изучаемой ситуации.

В итоге мы получаем доступ к первично данному содержанию (самоданному) – внутренним ощущениям в их «девственности» (не означенности). Это *еще* не значения, а, скорее, непосредственные внутренние переживания – спонтанность нашего существования, так сказать, в «чистом виде». В этом-то «материале» и «самозавязываются» значения. Эта «самозавязь» реализуется в двух процессах: *схватывании и конституировании*. Схватывание представляет собой спонтанную процедуру «внутри сознания», когда внутренние данные самоорганизуются (по интенциональным матрицам внутреннего «Логоса») в некоторые установки, схемы, посредством которых осуществляется уже конституирование – синтез схем, полученных в «схватывании» с непосредственными внешними данными – так самопорождаются

значения «объектов». Полученные таким образом, значения «объектов» верой, мнением, привычкой проецируются «вовне» и полагаются в качестве значений уже «внешних, отдельных объектов».

Исходя из этого, вопрос о «соответствии» значений обозначаемому или предположительно вне сознания существующим объектам есть для Гуссерля выражение наивности «естественной установки» (нерассуждающей убежденности «человека повседневности»), приписывающей качества независимости и объективности своим стихийным «картинам мира».

Другой реакцией философии, оттесняемой от ее традиционных тем молодыми гуманитарными дисциплинами, стало выдвижение в качестве приоритетно-философских новых, необычных тем: жизни, природы человека, неповторимого индивидуального переживания своего присутствия в мире. Философия до этого занималась общенаучными, не свойственными ей делами, и вот, когда появились, наконец, преемники, она может обратиться к своему исконному: исследованию непосредственной жизни, родовой сущности человека и его экзистенции. Так рождаются философия жизни, философская антропология и экзистенциализм. В силу занимательности тематики для более широких, нежели академические круги, слоев, эти философы становятся более известными, нежели только университетские профессора, персонами, превращаясь в медийных звезд во второй половине XX века (экзистенциализм).

Философия жизни, направление, сделавшее категорию «жизни» фокусом своего внимания, процветало в конце XIX – начале XX века и представлено выдающимися философами: Вильгельмом Дильтеем (1833–1911), Георгом Зиммелем (1858–1918), Анри Бергсоном (1859–1941) и Фридрихом Ницше (1844–1900).

Их взгляды имеют существенные пересечения и совпадающие места:

1. *Чем должна заниматься философия?* – исследованием «жизни», поскольку она является «метафизически изначальным фактом», «существом всякого бытия», соответственно, предмет философии – не «мир», а «жизнь», проживаемая людьми, причем «жизнь каждого индивидуума творит сама из себя свой собственный мир»;

2. *Что такое жизнь?* – «беспокойная ритмика», «непрерывная изменчивость», «бесконечная творческая сила», «бурное стремление вперед»; это постоянное становление, начало постоянной, свободной активности и обновления, спонтанность, непредсказуемость, порождающая из себя новые, не детерминированные предшествующими состояниями формы, она иррациональна и самодостаточна; объективна и в объективности своего существования внеценностна;

3. *Как постичь жизнь?* – пережить, с тем, чтобы понять – с помощью специфических процедур созерцания и интуиции – в акте *схватывания* только и дается переживание целостности и полноты вещей; интеллект отождествляли с утилитарно-прагматической деятельностью и социальной обусловленностью.

Дильтей создал основы философской герменевтики, науки о понимании и принципах интерпретации. Зиммель стал одним из основоположников философии культуры, а Бергсон – первый философ, ставший лауреатом Нобелевской премии (по литературе, 1927).

Однако самым знаменитым из них стал Ницше, философ «сократического стиля», отвергнутый академическим сообществом за скандальность и провокационность, литературность и пророческие амбиции.

Его жизнь ярка, парадоксальна и многозначна, как и его произведения. Раннее при-

знание таланта филолога, блестящее начало академической карьеры (профессор в 25 лет) и полное непонимание, неприятие при жизни его философских идей и их оглушительная слава, влияние на миллионы умов в XX веке. Скандальная критика христианства, его нравственных заповедей, и сумасшествие в последние 11 лет жизни, рассматриваемое многими как Божье наказание. Обвинения в расизме, милитаризме, идеологическом родстве с нацизмом и идеи будущего величия человеческого рода – все это есть у Ницше. При всем при этом, это был чрезвычайно застенчивый и очень болезненный человек, которого мучили жесточайшие головные боли.

Понятие Воли как основы всего существующего Ницше заимствует у Шопенгауэра. Однако, если у Шопенгауэра это воля к жизни, то Ницше говорит о воле к власти. Мир есть, по Ницше, поток, становление, силовые линии которого образует борьба между бесчисленными центрами активности: как в природе, так и в обществе. И именно человеческое общество, его история – главный объект внимания Ницше. Воля к власти приобретает здесь этический характер.

Философская антропология, прозвучавшая в виде заявки у Людвиг Фейербаха в XIX веке, оформилась как направление во второй трети XX века в трудах Макса Шелера (1874–1928), Хельмута Плеснера (1892–1985) и Арнольда Гелена (1904–1976).

Идеи Фейербаха об органической включенности человека в естественный мир и наличии особого родового основания (основной структуры человеческого бытия), отличающего людей от животных, были развернуты и развиты немецкими антропологами.

Изначальная заявка направления была амбициозна – объединить вокруг философской антропологии как концептуального ядра все научные знания о человеке, создав тем самым сверхнауку будущего. Задача философа-

антрополога – дать представление (модель) об основоструктуре «человеческого».

Хотя людской род – органичная часть предшествующей эволюции жизни, его появление означало качественный скачок и появление особой сферы на планете. Ее отличительное качество характеризуется по-разному: для Шелера – это идеация (способность к разделению существования и сущности), для Плеснера – самотрансцендирование, а Гелен полагает таковой разумную преобразовательную деятельность. В любом случае речь идет об активистском созидании людьми своей «ближней» реальности, опосредующей связь с природой, имеющей духовный, символический, культурный характер. Эта «вторая природа», трансцендентальная сфера человека, общечеловеческая культура, и является подлинным субъектом истории.

Литературно-философские гибриды

Другая характерная черта современного философствования: соединение философии с литературным творчеством: кто хочет успешно философствовать, должен писать романы и пьесы. То, что было характерно ранее для неевропейских периферий мысли (Китай и Россия) – этизация и литературизация национального философствования, пришло и в Европу.

Экзистенциализм зародился в период между Первой и Второй мировыми войнами во Франции в философско-литературных кружках Николая Бердяева (1874–1948), Габриеля Марселя (1889–1973) и Мориса Мерло-Понти (1908–1961), однако заявил о себе как о новом философском движении в послевоенное время. Философы, которые сделали заявку на новый бренд, были Жан-Поль Сартр (1905–1980) и писатель Альбер Камю (1913–1960), входившие в парижские философско-эстетические круги и ставшие мировыми знаменитостями благодаря бурному развитию средств масс-медиа. До-

статочно сказать, что оба стали лауреатами Нобелевской премии по литературе (Камю – в 1957 году, Сартр – в 1964-м, последний, правда, отказался от получения).

Именно Сартр и Камю создали легенду направления, объявив своими предшественниками датского философа Серена Кьеркегора (1813–1855), а также писателей – Федора Достоевского (1821–1881) и Франца Кафку (1883–1924). Также они «кооптировали» в свои ряды близких по тематике и стилю Мартина Хайдеггера (1889–1976) и Карла Ясперса (1883–1969). В других странах Европы также можно отметить философов, склонных к экзистенциализму, – это испанец Хосе Ортега-и-Гассет (1883–1955) и итальянец Никола Аббаньяно (1901–1990).

Экзистенциалисты утверждают: человек не определяется никаким единым общим определением: ни природой, ни обществом, ни собственной «сущностью человека», ибо такой сущности, по их мнению, не существует. Имеет значение только его существование. Основная установка экзистенциализма – *существование предшествует сущности*. Это означает, что человек сначала существует, появляется в мире, действует в нем, а уж потом определяется как личность, приписывая себе какую-нибудь «сущность».

Хайдеггер постулирует субъектные пределы самого понятия «бытия»: тот, кто спрашивает, безотчетно ожидает ответа, соответствующего его состояниям переживания бытия, – лишь это будет для него «истиной». По этой схеме он и строит экзистенциалистское понимание уже *бытия человека* – именно как сверхконкретное, создав новую лингвистическую конструкцию: «здесь-бытие» или «вот-бытие». Ввод этого термина (*Dasein*) указывает, что человека можно рассматривать только как каждый раз уникальное («вот») и историческое существо, пребывающее «здесь и теперь» в этих конкретных пространстве и времени.

Далее, мир и человек – это не автономно-индифферентные друг по отношению к другу сущности. Это две половинки одного целого, идущие друг к другу, раскрывающиеся друг другу. Мир – это своего рода *встречная субъективность*, потенциально человеческое, освоенное впоследствии будущее человека, его судьба. Мир, реальность – человекоразмерны, где человеческое – не только и не столько сознание, но, скорее, эмоционально-волевая – сознательная целостность всеобщего и необходимого порядка, то есть присутствует у всех людей. Ее Хайдеггер называет «*экзистенцией*» или «как-то себя понимающей озабоченностью».

Задача философии определялась у экзистенциалистов как анализ наличного бытия человека, застигнутого «здесь и теперь», в произвольной сиюминутности переживаний. Его параметры определяются конечностью человека, его положением в мире и коммуникацией (общением) с другими людьми. Человек – это временное, конечное существо, предназначенное к смерти. Представление о смерти как самоочевидной, абсолютной границе любых человеческих начинаний занимает в экзистенциализме такое же место, как и в религии, хотя большинство представителей этой философии не предлагают человеку никакой потусторонней перспективы. Экзистенциалисты считают, что человек не должен убегать от сознания своей смертности, а потому высоко ценить все то, что напоминает индивиду о суетности его практических начинаний. Этот мотив ярко выражен в *учении о «пограничных ситуациях»* Ясперса. Пограничные ситуации – предельные жизненные обстоятельства, в которые время от времени попадает человек: тяжелая болезнь, смерть близких, экстремальные случаи. Пограничные ситуации встряхивают человека, заставляют его очнуться от «зачарованности повседневностью». Происходит временное «*крушение шифра*», обнаружение условно-

сти и фальшивости социальных порядков, норм и привычек обыденности. Человек перед лицом угрозы смерти начинает видеть все происходящее с ним в новом, отстраненном свете – удостоверяется, что живет не по своей воле и замыслам, а по случаю, который при ближайшем рассмотрении оказывается социальной необходимостью. Когда человек всерьез примеряет мысль о смертности людей к себе, испытывает в своем переживании процесс умирания, лишь тогда он начинает чувствовать себя как целое, вскоре завершающееся. Лишь когда в ужасе, в отчаянии либо в зловеще спокойной констатации человек убеждается в случайности своего прихода в мир, он лихорадочно пытается самоопределиваться: кто же пришел в этот мир и скоро уйдет из него?

Предчувствие своей смерти сплавляет воедино прежде разрозненные фрагменты и факты человеческого проживания. Сознание собственной смертности ослабляет суггестию повседневности, публичности, внешнего мира. Прежние заманки жизни блекнут. Яркие кричащие, броские массовые идеалы и ценности уже не захватывают, как прежде, целиком человеческое внимание. Его действиями, оказывается, руководят незримые и стихийные силы общества, называемые в экзистенциализме неопределенным местоимением *man*. Человека ужасает его собственная и окружающая фальшь, то, что он считал святым и ценным, оказывается условным, относительным и функциональным. Человек начинает переживать новые состояния, слышать нечто новое внутри себя. Он начинает ощущать себя виновным, слышать зов совести. Причем люди – вполне благополучные, примерные граждане, не совершившие ничего предосудительного. И это не симптом психического заболевания. Это пробуждение, задействование основоустройства человеческого существования. Перед ним возникает ситуация выбора: либо что-то сделать для

изменения своей жизни, отказаться от прошлого, ненастоящего, не своего, создать свой жизненный проект, либо вернуться к комфортному, бездумно-счастливному существованию под сенью *tap* и отсутствия сомнений.

Человек есть *заброшенный проект*, он никем не создан, не сотворен. Как и все сущее – он рождается беспричинно, продолжается по недостатку сил и умирает случайно. Он появляется в мире по воле случая, и ему не на что опереться. Бога нет, Бог умер. Ни христианская мораль, ни любая другая светская мораль не укажут человеку, как ему действовать. «В мире нет знамений». Мы не можем опираться ни на какие предписания, которые бы оправдывали наши поступки. Человек сам их формирует в ходе своей деятельности и общения. Выбирая те или иные ценности и идеалы, делая те или иные поступки, индивид формирует себя как личность. Ничто не определяет и не может определить характер его выбора. Как выражается Сартр, «человек сам себя выбирает, и он обречен на свободу». Фундаментальная характеристика человеческого существования – его свобода. Человек – это свобода. Экзистенциалисты подчеркивают, что человек свободен – независимо от реальных возможностей осуществления его целей. Свобода человека сохраняется в любой обстановке и выражается в возможности выбирать, делать выбор, хотя бы в сознании. Нам не дано изменить окружающий мир, но в наших силах изменить собственное отношение к миру таким образом, чтобы автономизироваться и создать внутри себя свою самодостаточную реальность. Свободу как тотальное отрицание бессмыслицы мирового и социального порядков экстремализовал в своих романах Камю, перефразировав Декарта: «*Я бунтую, следовательно, я существую*». Остальное существование неподлинно, потому и есть лишь одна по-настоящему серьезная философская проблема – проблема самоубийства.